

1. Мальчик Мило

Жил-был мальчик. Звали его Мило. Мальчик Мило совершенно не знал, чем бы себя занять. Не то что бы изредка не знал, нет! Вообще не знал.

Когда он был в школе, ему хотелось оказаться где-нибудь в другом месте. Когда он был где-нибудь в другом месте, ему хотелось оказаться в школе. Если он куда-нибудь шёл, то всегда думал: «Эх, вернуться бы домой!» Но стоило ему вернуться домой, как он тут же думал: «Эх, хорошо бы куда-нибудь пойти!» Мило вечно мечтал оказаться там, где его нет. Но куда бы он ни попал, ему тут же становилось скучно. И он думал: почему тут так скучно? Ничто его не интересовало, и меньше всего — происходившее вокруг.

«И на что только уходит время? — удручённо раздумывал Мило, возвращаясь однажды из школы. — Сколько морковок будет в пучке морковок, если убрать оттуда несколько морковок... Где находится Эфиопия... Как пишется слово „февраль“... Какие-то бессмысленные задачи! Почему я должен их решать?» И поскольку никто не потрудился объяснить ему это, Мило решил: узнавать что-либо — пустая трата времени. Его

никогда особенно не волновало, где именно он находится: хорошо, что он быстро туда добрался, — и ладно!

И вот он спешил по улице, поглощённый своими невесёлыми мыслями: как же всё-таки странно! Мир такой огромный! А кажется иногда таким маленьким и пустым.

«И ведь что хуже всего? — размышлял Мило печально. — Мне совершенно нечего делать! Не существует такого места, куда стоило бы пойти. Не существует вещей, на которые стоило бы посмотреть». Последняя мысль заставила Мило так горестно вздохнуть, что воробей, оказавшийся неподалёку, перестал чирикать и поспешил домой: в трудный момент надо быть вместе с семьёй!

Не останавливаясь, не глядя по сторонам, не обращая внимания на суету, Мило спешил мимо зданий и магазинов — и через считанные минуты был уже возле дома. Вошёл в подъезд. Вот он в лифте: два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь... его этаж. Вот дверь в квартиру. Вот его комната... Мило в расстроенных чувствах опустился на стул: предстоит ещё один длинный день.

Он угрюмо оглядел свои вещи: книги, которые невозможно читать (слишком сложно!), инструменты, которыми он так и не научился пользоваться, маленький электромобиль... Сколько месяцев он на нём не катался? (Месяцев или лет?) Всюду валяются игры и игрушки: мячи и ракетки, какие-то клочки, какие-то кусочки... И тут в углу комнаты, рядом со старым магнитофоном, Мило увидел странную вещь.

Огромный свёрток... Кто его мог здесь оставить? Ни на что не похожий, не круглый и не квадратный. Больше любого другого небольшого свёртка, который Мило когда-нибудь видел. Сбоку к свёртку был прикреплён ярко-синий конверт. На конверте написано: «МАЛЬЧИКУ МИЛО, У КОТОРОГО УЙМА ВРЕМЕНИ». Вот так просто — и больше ничего.

Если тебе когда-нибудь делали сюрпризы, ты поймёшь любопытство и возбуждение Мило. Если же ничего такого с тобой не происходило, то возьми эти чувства себе на заметку: вдруг когда-нибудь пригодится?

«Вряд ли это подарок на день рождения, — гадал Мило. — И Рождество ещё не скоро... Не сказать что я вёл себя очень уж хорошо. Да и вообще хорошо... — (Тут Мило был с собой честен.) — И мне, скорее всего, не понравится то, что там спрятано... Но я не знаю, откуда оно взялось. Обратно не отправишь!»

Поразмышляв так какое-то время, Мило открыл конверт — исключительно из вежливости.

«Платёжный терминал для автострады. Настоящий. Одна штука, — прочитал он. — Легко собирается в домашних условиях. Предназначен для тех, кто никогда не бывал за пределами».

«За пределами чего?» — удивился Мило.

«В наборе:

1. Настоящий платёжный терминал для автострады — один (1). Собрать по инструкции.

2. Информировующие таблички — три (3). Использовать для информирования.

3. Набор монет для оплаты проезда.

4. Карта — одна (1). Нарисована мастерами картографии. Точно и подробно отображает объекты — как природные, так и созданные человеком.

5. „Правила поведения и дорожного движения“ — один экземпляр (1): правила нельзя нарушать; нельзя уклоняться от их исполнения».

А внизу маленькими буквами было приписано:

«Результат поездки не гарантирован.

При отсутствии полного удовлетворения
вам полностью возместят потраченное время».

Мило извлёк терминал из коробки и, следуя инструкции — тут подрезать, тут приподнять, тут отогнуть, — приладил на нужное место окошки, накрыл его крышей, свисавшей с обеих сторон, и прикрепил ящичек для жетонов. Терминал выглядел как настоящий. Во время поездок с родителями Мило много раз видел такие. Правда, этот был намного меньше и фиолетовый.

«Странный подарочек, — подумал Мило. — Могли хотя бы приложить к нему автостраду. Без автострады и не поиграешь...» Но ему всё равно не хотелось играть ни во что другое, поэтому он ещё раз внимательно прочитал таблички:

«ПОДЪЕЗЖАЯ К ТЕРМИНАЛУ, СНИЗЬТЕ СКОРОСТЬ.
ПОЖАЛУЙСТА, ПРИГОТОВЬТЕ ПЛАТУ ЗА ПРОЕЗД.
ПУНКТ НАЗНАЧЕНИЯ ДЕРЖИТЕ В УМЕ».

Мило медленно развернул карту. Многоцветная карта, как и говорилось в инструкции, оказалась превосходной — с изображением главных магистралей, рек и морей, городов и посёлков, гор и долин, объездов и перекрёстков. На карте были отмечены места, где стоило побывать, — исторические или невероятно красивые. Правда, Мило ни разу не слышал ни об одном таком месте, и их названия звучали довольно странно.

«Вряд ли эта страна действительно где-то есть, — решил Мило, внимательно всё изучив. — Но — неважно!» Закрыв глаза, он наугад ткнул в карту пальцем.

«Лексикополис, — медленно прочитал Мило, глядя на точку, куда попал его палец. — Почему бы мне не поехать туда? Чем это место хуже любого другого?»

Он подошёл к электромобильчику, аккуратно стёр с него пыль, взял с собой карту и правила, сел за руль и медленно двинулся к терминалу. Всё равно ничего лучше не придумать!

— Может, это интересная игра, — понадеялся Мило, опуская монетку в терминал. — И не придётся скучать, как обычно.

2. В Пределах Ожиданий

Мило вдруг обнаружил, что едет по незнакомому загородному шоссе. Он бросил взгляд назад: ни терминала, ни комнаты не было. Даже его дом пропал из виду. Мило думал, что всё будет понарошку, а оказалось, что всё происходит по-настоящему.

«Странно, — подумал мальчик (как и ты подумал сейчас). — Игра-то вон какая серьёзная! Я еду по совершенно незнакомой дороге в совершенно незнакомое место. И всё из-за терминала, который неизвестно откуда взялся. Хорошо, что погода хорошая. Подходящая для путешествия», — заключил Мило с надеждой. Это было единственное, что он сейчас знал точно.

Вовсю светило солнце, на небе — ни облачка. А все краски казались насыщеннее и ярче, чем Мило когда-нибудь видел. Цветы сияли, будто их кто-то вымыл. Деревья, растущие вдоль дороги, отсвечивали серебром.

На маленьком домике у дороги висела аккуратная вывеска:

«ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ПРЕДЕЛЫ ОЖИДАНИЙ!
ЗДЕСЬ ВЫ НАЙДЁТЕ НУЖНЫЕ СВЕДЕНИЯ,
ДРУЖЕСКИЕ СОВЕТЫ И ПРЕДСКАЗАНИЯ!
ПРИПАРКУЙТЕСЬ И ПРОСИГНАЛЬТЕ!»

При первом же звуке сигнала из домика выскочил человек в длинном пальто и затараторил, повторяя каждое слово по несколько раз:

— О! О! О! Добро пожаловать, добро пожаловать! В наши Пределы! В Пределы Ожиданий! К нам заезжают нечасто, к нам теперь заезжают нечасто. Разрешите представиться: я

Человек Ожидаящий. Ожидаю У Моря Погоды. Чем могу быть полезен?

— Это дорога ведёт в Лексикополис? — спросил Мило, слегка сбитый с толку восторженностью человека и отсутствием моря.

— О, да-да! О, да-да! — снова затараторил Человек Ожидаящий. — Может ли эта дорога не вести в Лексикополис? Если она ведёт в Лексикополис, это правильная дорога. Если она туда не ведёт, это правильная дорога куда-то в другое место. Не бывает дорог в никуда. Как ты думаешь, будет дождик?

Мило смутился:

— Вы же должны всё знать про погоду?

— Ах, про Погоду? Да-да-да... Нет-нет-нет! Но я её не предсказываю! Я от Погоды завишу! Была бы Погода, а какая — неважно. Зато очень важно, ОТКУДА ветер дует. Вот мы сейчас проверим! — С этими словами он выпустил в небо дюжину воздушных шаров и, довольный собой, наблюдал, как они разлетаются на все четыре стороны.

— А что это за место — Пределы Ожиданий? — осторожно спросил Мило.

Происходившее не казалось ему забавным. Он даже слегка усомнился, в своём ли уме человек.

— Хороший вопрос! Хороший вопрос! — воскликнул тот. — Если ты ещё не решил, куда двинуться дальше, то оказываешься здесь. Конечно, не все решаются выходить за пределы. Моя задача — поторопить их, хотя они того или нет... Чем ещё могу быть полезен?

И прежде чем Мило успел ответить, Человек Ожидаящий бросился в дом и через мгновение выскочил в другом пальто и с зонтиком.

— Думаю, я сам найду нужный путь, — сказал Мило не слишком уверенно.

Он решил двигаться дальше. Может, ему встретится кто-то выражающийся яснее. А то понимай как знаешь: хочешь — так, а хочешь — наоборот.

— Великолепно! Просто великолепно! — воскликнул Человек Ожидаящий. — Нужный путь ты найдёшь или нет, но какой-нибудь да найдёшь. Если вдруг найдёшь мой путь, отдай его мне, пожалуйста. Он давно потерялся и, боюсь, совсем заржавел... Кажется, ты говорил, будто дождь ожидается? — Он раскрыл зонтик, нервно поглядывая на небо. — Хорошо, что ты принял решение. Я терпеть не могу решать, что хорошо, а что плохо, вверх смотреть или вниз, ждать дождя или солнца... Я всегда говорю: жди всего что угодно! И тогда не случится ничего неожиданного... Поезжай осторожно, пожалуйста! Пока-пока-пока!

Последнее «пока» потонуло в раскате грома. Мило выехал на дорогу. Над Мило светило солнце. Над Человеком Ожи-

дающим бушевала гроза — словно дождь лил исключительно над его головой.

Дорога вела через широкую зелёную долину, теряясь за горизонтом. Электромобильчик легко катился вперёд: Мило, едва касаясь ногой педали, ехал с нужной скоростью. И как всё-таки хорошо снова ехать нужным путём!

«Неплохо побывать в Пределах Ожиданий. Но разговоры с таким человеком никуда не ведут. Такой чудной! Чуднее я никогда не встречал», — размышлял Мило и даже не догадывался, сколько чудных людей он скоро встретит.

Он мирно ехал себе по дороге, но на него вдруг напала сонливость. Мальчик уже не смотрел по сторонам так внимательно и скоро совсем перестал замечать, куда едет. Оказавшись на перекрёстке, он свернул не налево (куда показывал указатель), а направо, хотя дорога и выглядела подозрительно — вряд ли это был «нужный путь».

Стоило электромобильчику съехать с главной трассы, как всё вокруг стало меняться. Небо сделалось совсем серым. И всё вокруг словно утратило цвет и пропиталось этой же серостью и монотонностью. Звуки казались приглушёнными, а воздух — тяжёлым. Птицы пели бесцветные песни, дорога бесконечно петляла.

Километр за километром...

ещё километр...

ещё...

проехал Мило. Электромобильчик двигался всё медленнее и медленнее. Не ехал, а еле полз.

«Кажется, так я никуда не приеду, — зевнул Мило, чувствуя, как ему скучно, как его клонит в сон. — Надеюсь, я не сбился с пути...»

Километр за километром...

ещё километр...

ещё...

Всё вокруг стало ещё более серым, ещё более монотонным. И тут машинка встала. Сколько Мило ни давил на педаль, электромобильчик не мог сдвинуться ни на шаг.

«Где это я?..» — с беспокойством спросил Мило сам себя.

— Ты... в... Летарги-и-нии, — произнёс хнычущий голосок словно издалека.

Мило быстро огляделся: кто это говорит? — и никого не увидел. Он и не представлял, что всё может быть таким неподвижным и молчаливым.

— Да... Летар... ги... нии... — сказал кто-то, зевая.

Но Мило и на этот раз не смог никого разглядеть.

— Что значит «Летаргиния»? — громко воскликнул он, внимательно глядя вокруг: кто ответит ему на этот раз?

— В Летаргинии, мой юный друг, никогда ничего не случается, никогда ничего не меняется.

Мальчик подскочил от удивления — так близко раздался голос. На его правом плече сидело какое-то крохотное, едва различимое существо точно такого же цвета, как и рубашка Мило.

— Сейчас я тебе нас представлю, — продолжало существо. — Летаргинцы — к твоим услугам.

Мило снова огляделся и на этот раз разглядел множество подобных существ: кто-то устроился на его автомобильчике, кто-то — прямо на дороге. Существа облепили все кусты и деревья. Разглядеть их было непросто: они сливались с местом, где сидели, и походили друг на друга как две капли воды (за исключением цвета, естественно). А некоторые походили на других даже больше, чем на самих себя.

— Рад с вами познакомиться, — сказал Мило, хотя и не был уверен, что действительно этому рад. — Думаю, я потерялся. Не могли бы вы мне помочь?

— Не смей говорить «думая», — заявил летаргинец, сидевший на ботинке Мило. (Тот, что устроился у Мило на

плече, уже спал.) — Это противозаконно. — Сообщив это, он зевнул и тоже погрузился в сон.

— В Летаргинии никому не позволено думать, — поддержал первых двух третий — и сразу задремал.

Так они и разговаривали: кто-то скажет несколько слов — и тут же засыпает. Но его фразу подхватывал следующий, так что беседа почти не прерывалась.

— У тебя есть книга с правилами? Это местное постановление № 175389-Ю.

Мило быстро вытащил из кармана книжечку с правилами, открыл нужную страницу и прочитал: «Согласно Постановлению № 175389-Ю в Летаргинии запрещается:

- думать;
- думать о том, что надо над чем-то подумать;
- предполагать;
- доказывать;
- обосновывать;
- размышлять;
- рассуждать.

Все эти действия являются незаконными, нелегальными и неэтичными. Нарушители будут строго наказаны.

— Какой нелепый закон! — возмутился Мило. — Все люди думают!

— А мы — нет! — все как один завопили летаргинцы.

— Большую часть времени ты тоже не думаешь, — заявил летаргинец жёлтого цвета, сидевший на венчике нарцисса. — Иначе ты бы сюда не попал. Ты не думал, ты ни на что не обращал внимания! Тот, кто ни на что не обращает внимания, застревает тут, в Летаргинии. — С этими словами он свалился с цветка в траву и тут же захрапел.

Мило не смог удержаться от смеха, наблюдая за странным поведением жёлтого летаргинца, — хоть и понимал, что это невежливо.

— Сейчас же прекрати смеяться! — приказал летаргинец в клеточку, прицепившийся к носку Мило. — Смеяться противозаконно. У тебя есть книга правил? Это местное постановление № 574381-W.

Мило снова открыл книжку с правилами и нашёл постановление № 574381-W:

«Смех не одобряется. Улыбаться разрешается только по четвергам раз в две недели. Нарушители будут сурово караться».

— Если вы не думаете и не смеётесь, чем же вы занимаетесь? — спросил Мило.

— Чем угодно, если это ничто. Всем, если это не что угодно, — заявил один.

— У нас много дел. У нас очень напряжённое расписание, — подхватил другой.

— В 8 утра мы встаём. И затем тратим время зря.

— С 8 до 9 у нас ранний утренний сон.

— С 9 до 9.30 мы дремлем.

— С 9.30 до 10.30 мы бездельничаем и прохлаждаемся.

— С 10.30 до 11.30 у нас поздний утренний сон.

— С 11.30 до 12.00 мы завтракаем и теряем время.

— С 1.00 до 2.00 мы слоняемся без дела и мешкаем.

— С 2.00 до 2.30 у нас ранний дневной сон.

— С 2.30 до 3.30 мы откладываем на завтра то, что можно сделать сегодня.

— С 3.30 до 4.00 у нас поздний дневной сон.

— С 4.00 до 5.00 мы лодырничаем и бьём баклуши.

— С 6.00 до 7.00 мы сидим сложа руки.

— С 7.00 до 8.00 у нас ранний вечерний сон. А за час до того, как пойти в кровать, мы разбазариваем время.

— Как видишь, у нас почти не остаётся времени на то, чтобы медлить, тянуть, оттягивать и откладывать. И если бы

мы прерывались для раздумий и смеха, нам ни за что бы не удалось делать так много ничего.

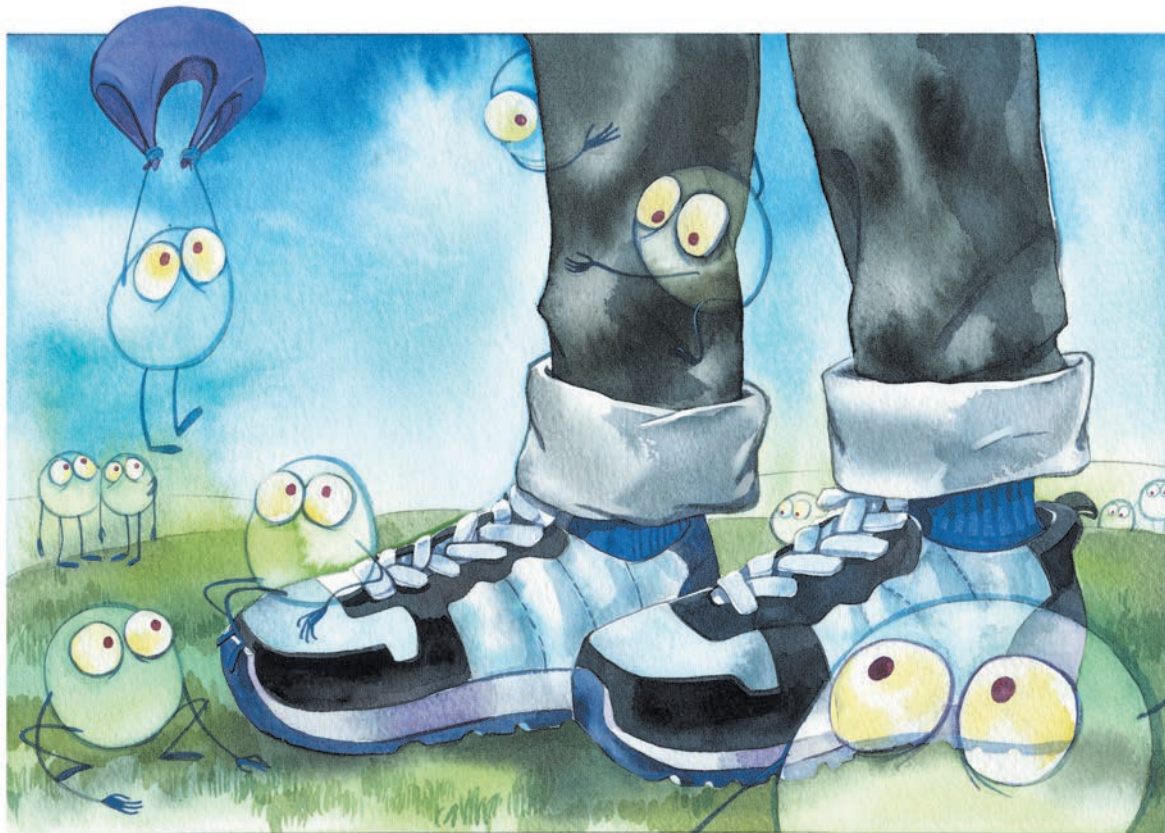
— Вы имеете в виду, ничего не делать, — поправил Мило.

— Мы не хотим ничего не делать! — сердито фыркнул летаргинец. — Мы хотим делать НИЧЕГО! И справимся без твоей помощи.

— Видишь ли, — подхватил другой более примирительным тоном, — делать весь день НИЧЕГО требует много сил. Поэтому раз в неделю мы берём выходной, чтобы пойти никуда. Это как раз сейчас. А тут ты приехал! Не хочешь ли к нам присоединиться?

«Почему бы и нет? — подумал Мило. — Может, я сюда и ехал...»

— А что... — он зевнул и почувствовал, что и сам готов заснуть, — тут все делают ничего?

— Все, кроме ужасного пса-часового, — ответили хором сразу два летаргинца дрожащими голосами. — Он всегда на часах, рыщет вокруг и вынюхивает тех, кто тратит время зря. Такой неприятный тип!

— Какой пёс? — удивился Мило.

— Пёс-на-часах! Опять! — завопил кто-то из летаргинцев, чуть не падая в обморок от страха.

По дороге, взвивая огромное облако пыли, с бешеным лаем мчался тот самый пёс, о котором они говорили.

— Просыпайтесь!

— Спасайтесь!

— Бегите!

— Он тут!

— Пёс-на-часах!

Воздух наполнился громкими криками. Летаргинцы бросились врассыпную и скоро исчезли из виду.

— ГРРРР! — и огромный пёс, громко пыхтя и сопя, бросился прямо к машине.

У Мило глаза округлились от удивления: голова пса была нормальной собачьей головой. Четыре ноги и хвост тоже были собачьими. Но туловищем ему служил громко тикающий будильник.

— Что ты здесь делаешь? — прорычал пёс-на-часах.

— Ничего. Убиваю время, — ответил Мило извиняющимся тоном. — Понимаешь...

— Убиваешь время! — зарычал пёс, — да так яростно, что его будильник зазвонил. — Даже терять время плохо. А убивать!.. — Пса передёрнуло от одной мысли об этом. — Как ты вообще оказался здесь, в Летаргинии? У тебя нет других дел? Тебе никуда не нужно?

— Нужно! В Лексикополис. Но я попал сюда и застрял. Ты не поможешь мне выбраться? — спросил Мило.

— Только ты сам можешь себе помочь! — Пёс в это время старательно заводил свой будильник левой задней ногой. — Знаешь, почему ты застрял?

— Кажется, я заехал сюда не думая! — догадался Мило.

— Вот именно! — воскликнул пёс-на-часах. Его будильник снова зазвонил. — Теперь ты знаешь, что нужно делать.

— Нет, — признался Мило, чувствуя себя довольно глупо.

— Ты попал сюда, потому что ни о чём не думал, — нетерпеливо заметил пёс. — Логично предположить, что ты выберешься отсюда, если начнёшь думать. — С этими словами часовой пёс запрыгнул на заднее сиденье машины. — Не возражаешь? Обожаю езду на автомобилях.

Мило стал усиленно думать. С непривычки это оказалось сложновато. Он подумал о птицах, которые могут плавать, и о рыбах, которые могут взлетать. Он подумал о том, что ел вчера на обед и что завтра съест на ужин. Он вспомнил слова, которые начинаются на букву «Ж», и числа, которые оканчиваются на «3». И по мере того как он думал, колёса электромобильчика начали вращаться.

— Мы сдвинулись с места! Поехали! — радостно закричал Мило.

— Думай, думай ещё, — проворчал пёс-на-часах.

Чем активнее Мило работал головой, тем быстрее ехал электромобильчик. И вот они выехали из Летаргинии на главную магистраль. Всё вокруг снова заиграло яркими красками. А Мило всё думал и думал — о самых разных вещах: об объездных путях и неправильных поворотах; о том, как просто сбиться с пути; о том, как здорово ехать прямо. А больше всего — о том, сколько силы заключается в мысли, даже если она совсем скромная. Пёс сидел, откинувшись на спинку кресла, принюхивался к ветру и тикал.

3. Добро пожаловать в Лексикополис

— Извини за резкость, — сказал часовой пёс через некоторое время. — Свирепый нрав — обычное дело для сторожевой собаки, если она на часах!

Но Мило только радовался, что ему удалось выбраться из Летаргинии, и заверил пса: он совершенно не обижается! Наоборот — очень благодарен ему за помощь.

— Прекрасно! — воскликнул пёс-на-часах. — Я рад! Уверен: это путешествие нас подружит. Меня зовут Так-Так.

— Странно. Ты же всё время тикаешь. Тебе больше подходит имя...

— Ах, не напоминай! — горестно вздохнул пёс. На глаза ему, заметил Мило, навернулись слёзы.

— Мне не хотелось тебя расстраивать, — поспешно добавил мальчик.

— Всё в порядке, — пёс взял себя в лапы. — Это старая и печальная история. Могу рассказать, если хочешь. Моего брата, первого щенка в семье, мама и папа называли Тик-Тик — ожидали, что он будет тикать. А когда брата в первый раз завели, с ужасом услышали совсем другой звук — «так-так»! Родители бросились к архивариусу с просьбой изменить имя новорождённого. Но было поздно. Его имя — Тик-Тик — уже внесли в официальные документы! Когда на свет появился я, родители твёрдо решили не допустить ошибки. Они вполне логично рассудили: все дети в семье должны издавать один и тот же звук. Вот меня и называли Так-Так. Остальное тебе известно... Моего брата зовут Тик-Тик, хотя он не умеет тикать. А меня называют Так-Так, хотя я тикаю. Мы оба обречены носить неправильные имена. Обречены навсегда. Это

совершенно сокрушило моих родителей. Они решили больше не заводить детей и посвятили остаток жизни служению бедным и голодным.

— А как ты стал часовым? — спросил Мило. Так-Так уже рыдал в голос, и мальчик надеялся, что новая тема разговора отвлечёт пса от грустных мыслей.

Пёс утёр глаза лапой:

— Все члены моей семьи были псами-часовыми. Эта традиция передавалась от отца к сыну... практически с того момента, как появилось время. Видишь ли, — Так-Так приободрился, — сначала времени не существовало. Люди не знали, обедают они или ужинают, и постоянно опаздывали на поезд. Это сочли неудобным и изобрели время. Теперь можно было планировать день и никуда не опаздывать. Люди начали считать время, которым могли распоряжаться: 60 секунд — это

минута, 60 минут — это час, 24 часа — это день, 365 дней — это год... Тут им стало казаться, что у них слишком много времени — гораздо больше, чем требуется. «Если времени так много, вряд ли оно представляет ценность!» — вот как подумали люди. К чему это привело? Время стали терять, время стали раздавать направо и налево. Тогда нас призвали следить, чтобы этого не случилось. — Пёс гордо выпрямился. — Работа тяжёлая, но благородная. Не просто работа — призвание! — Так-Так уже стоял на сиденье во весь свой рост — одна нога упёрлась в лобовое стекло — и выкрикивал, энергично жестикулируя передними лапами. — Время — величайшая ценность! Самая драгоценная вещь! Оно дороже бриллиантов! Оно стремится вперёд, оно никого не ждёт, оно...

В этом месте торжественной речи электромобильчик трянуло на кочке, и часовой пёс свалился на переднее сиденье. Его будильник оглушительно зазвонил.

— Ты в порядке? — воскликнул Мило.

— Уфф, — буркнул Так-Так. — Извини, меня занесло. Но в целом, думаю, всё понятно.

И пока они ехали, Так-Так продолжал рассказывать о том, что такое время. Он цитировал древних философов и поэтов и так бурно жестикулировал, что чудом не вылетел из электромобильчика, мчавшегося на полной скорости.

Через некоторое время вдали показались сверкающие на солнце башни и флаги Лексикополиса. И скоро электромобильчик подъехал к городским воротам.

— Ахррр, — грозно прочистил горло привратник и ловко встал по стойке смирно. — Вы у ворот Лексикополиса, счастливейшего королевства. Наш город удачно расположен у подножия Сумбур-Холмов и продувается бризами, дующими с Моря Знаний. Сегодня, в соответствии с королевским декре-

том, в Лексикополисе ярмарочный день. Вы будете что-нибудь продавать или что-нибудь покупать?

— Простите? — не понял Мило.

— Продавать или покупать, продавать или покупать, — с лёгким раздражением повторил привратник. — Одно из двух! У вас должно быть какое-то основание войти в город.

— Но... — растерялся мальчик.

— Если у вас нет никаких оснований, то должно быть какое-то объяснение или хотя бы предлог, — перебил его привратник.

Мило покачал головой: нет!

— Плохо! Очень плохо! — привратник тоже покачал головой. — Вы не можете войти в город без всяких оснований. — Он немного подумал. — Хотя... Подождите минутку. Возможно, у меня тут кое-что завалилось. — Привратник скрылся в башенке, вернулся с потрёпанным чемоданчиком и стал там что-то искать, бормоча себе под нос: — Нет... нет... не то... ммм... Ага! Вот! — торжествующе воскликнул он, вытащил из чемоданчика маленький медальон на цепочке и тщательно сдул с него пыль.

На медальоне была выгравирована надпись: «Почему бы и нет?»

— Вот хорошее основание для чего бы то ни было. Может, затасканное, но оно до сих пор не вышло из употребления.

С этими словами привратник повесил медальон мальчику на шею, толкнул створки тяжёлых ворот, низко поклонился и пригласил в город.

«Интересно, что за ярмарка такая?» — подумал Мило, проезжая через ворота. И тут же перед ними открылась огромная площадь, заставленная плотными рядами ларьков. Ларьки были украшены цветными флажками; прилавки завалены товарами. И надо всем красовалась надпись:

